

17. Robertson, W. History of Scotland During the Reigns of Queen Mary and of King James VI / William Robertson // The Works of William Robertson : in 10 vol. – London : T. Tegg, 1826.
18. Schlözer, A. L. Vorstellung seiner Universal-Historie / August Ludwig Schlözers, prof. in Göttingen : in 2 bd. – Göttingen ; Gotha : Dieterich, 1772–1773.
19. Schmidt, M. I. Geschichte der Deutschen / Michael Ignaz Schmidts : in 5 bd. – Ulm ; Wien, 1778–1785.
20. Velly, P. F. Histoire de France depuis l'établissement de la Monarchie Jusqu' au regne de Louis XIV : 7 vol. / P. F. Velly. – Paris : Chez Desaint & Saillant, 1755.

Посохов С. И. ПУТЕВОДИТЕЛЬ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Проблема историографических источников достаточно давно обсуждается исследователями. В настоящее время она вновь актуализирована в связи со становлением источниковедения историографии – предметного поля в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. В частности, С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева, которые активно разрабатывают такого рода проблематику, отметили специфику формирования этого предметного поля в социокультурной ситуации постмодерна. Они утверждают, что происходит размежевание – вплоть до полного разрыва и параллельного сосуществования – научного исторического знания и социально ориентированного историописания [5, с. 6; 6, с. 203]. В этом контексте возникает необходимость более детального изучения конкретных видов историографических источников, в том числе тех, которые долгое время вообще не рассматривались в качестве таковых.

В частности, сконцентрируем внимание на таком источнике как путеводитель, который является собой особый вид информационного издания. В данном случае, речь идет о путеводителях по стране и городу (то, что называется Guidebooks). Такие книги получили распространение еще в XIX в. в связи с появлением новых транспортных возможностей и развитием туризма [См. об этом: 11].

Путеводители как один из жанров популярной (нехудожественной) литературы уже не раз попадали в поле зрения исследователей. В последнее время было опубликовано немало новых интересных работ [2, 10, 15, 16 и др.]. Отметим также состоявшийся в Тарту международный научный семинар «Путеводитель как семиотический объект» [4].

В данном случае, обратим более пристальное внимание на статью А. И. Тарасенко [13], где путеводители характеризуются как исторический источник. Нельзя не согласиться с основными выводами, которые сформулированы автором. Вместе с тем, в упомянутом тексте можно обнаружить и определенные противоречия. В частности, отмечается, что путеводители появились тогда, когда был накоплен значительный комплекс информации, когда возникла необходимость сообщать ее достаточно широкому кругу читателей в более или менее сжатой форме [13, с. 260]. Однако далее можно прочесть о том, что «краеведы-профессионалы», которые создали эти книги, «старались придать своим работам расширительное толкование, ...заменяя отчасти научные труды и затрагивая широкую проблематику, выходя за пределы информации о конкретном городе или историческом памятнике» [13, с. 261]. А. И. Тарасенко также пишет о том, что «при изучении текста вряд ли могут возникнуть сомнения в достоверности фактов, бывших известными достаточно широкому кругу людей, в фальсификации которых не было и не могло быть никакой необходимости». Вместе с тем, с другой стороны, она все же обращает внимание на то, что необходимо «...учитывать и общий уровень знаний о предмете, характерный для времени создания изучаемой литературы. Такой многоуровневый подход к проверке сведений позволяет нам отличить преднамеренную фальсификацию от случайной ошибки или распространенной в тот период точки зрения» [13, с. 263].

Отчасти эти противоречия связаны с пониманием автором роли путеводителей как таковых, попыткой охарактеризовать их именно в качестве исторических источников. Осуществляя классификацию путеводителей, автором в основу были положены «объем, полнота и достоверности той информации, которая характеризует развитие курортно-туристического дела (именно с ним напрямую связано издание подобного рода литературы, да и, по большому счету, сам факт ее появления)» [13, с. 264]. Отчасти на имеющиеся в статье утверждения повлиял сам объект изучения – а именно, путеводители по Крыму, который преимущественно является туристическим регионом.

Вместе с тем, на сегодняшний день замечено, что, хотя путеводители и были рассчитаны прежде всего на туристов, однако не следует отрицать также их определенное влияние на формирование идентичностей жителей того или иного города и региона, сделан важный вывод о том, что эти тексты включены как в рекламный, так и в политический, и идеологический дискурсы. Впрочем, последнее обстоятельство даже ставит под сомнение ценность этого вида источников, в частности советского времени. Вообще, нормой в последние пару десятилетий стало в каждом понятии и каждом эпитете, которые использовались в официальных текстах советского времени, видеть идеологему, т. е. идеологический продукт. По мнению М. В. Калашникова, «...отнесение понятия к разряду идеологем и, соот-

ветственно, анализ его как идеологема, что делает ряд современных авторов, сужает анализ самого понятия до рамок идеологического дискурса» [3, с. 125]. Добавим – и ограничивает исследователя. К тому же, очевидно, следует избегать трактовок советского времени как некоего цельного этапа. Очевидно, с точки зрения дискурсивных характеристик, довоенный период существенно отличается от 1950–60-х годов, а эти годы, в свою очередь, от периода 1970-х, а также второй половины 1980-х годов. Впрочем, обвинения в предвзятости можно обнаружить и в тех характеристиках, которые касаются современных путеводителей. Но теперь такая предвзятость видится в национальных акцентах и упущениях. Так, например, такими, что «грешат ностальгией по прошлому» и отличаются «неконструктивным подходом» теперь видятся современные польские путеводители по Львову [8, с. 138].

Взглянуть несколько иначе на путеводители, на наш взгляд, позволяет отнесение их к ряду не исторических, а историографических источников. Такой подход связан уже с тем, что в этих текстах мы имеем не первичную информацию, а результат определенных обобщений и компиляций. Эти источники сложно даже отнести к «первичным нарративам». Не удивительно, что в указанной статье А. И. Тарасенко отметила, что «компилятивность как таковая присуща всем вообще путеводителям» [13, с. 265]. Более того, со временем прослеживается тенденция к тому, что путеводитель все чаще становится результатом коллективных усилий, когда среди авторов представлены различные специалисты: историки, архитекторы, культурологи, журналисты... Автор (авторы) путеводителей должны учитывать не только мнение местных властей, но и местных жителей, и при этом их интеллектуальный продукт должен заинтересовать приезжих, в целом соответствовать духу эпохи. Как известно, такие тексты издаются значительными тиражами и предполагают коммерческий успех. Важно отметить, что на этом рынке уже давно наблюдается значительная конкуренция. Так, например, по сведениям упомянутой А. И. Тарасенко, только за период второй половины XIX – начала XX вв. было издано около 320 путеводителей по Крыму [13, с. 265]. Насчитывается около 100 путеводителей по Львову межвоенного периода (т. е. 1919 – 1939 гг.) [7, с. 165], с конца 1990-х и до 2010-х годов было издано более 120 таких книг о Львове [8, с. 132]. Как заметила И. И. Руцинская, в тексте путеводителей наблюдается редуцирование смыслов и значений объекта, достаточной распространенным явлением являются ссылки на абстрактное авторитетное мнение профессионалов [12, с. 54, 58]. Более того, по ее мнению, путеводитель исторически был одним из первых инструментов, которые начали выполнять такую функцию, как «регулирование процесса потребления культурных ценностей в эпоху масскульта» [12, с. 63].

Перечисленные выше признаки являются определяющими при отнесении этих историографических источников к социально ориентированному историописанию. То есть, изучая эти источники, мы прежде всего углубляем наше понимание специфики исторического сознания того или иного периода, идейных и ценностных ориентиров, которые и задают рамку для характеристики достопримечательностей, поиска выдающихся земляков, выделения «важнейших» периодов и событий. По большому счету, речь идет о выявлении устоявшихся историографических стереотипов и историографических клише. Безусловно, в ряде случаев в этих текстах мы имеем прямые декларации, которые позволяют определить указанные выше моменты. Так, например, в ранних советских путеводителях (1920-х – 1930-х годов) уже на первых страницах четко фиксируется оппозитивное строение дискурса (когда повествование осуществляется на противопоставлении советского и досоветского). Так, в путеводителе по Харькову 1932 г. буквально в первой строке сказано следующее: «Историю г. Харькова надо резко разграничить на два периода – до Октябрьской революции и после Октября» [14, с. 3]. Соответственно, все последующее изложение строится на этом принципе. Однако часто мы не имеем прямых указаний на позицию авторов, которые внешне претендуют на объективность. К тому же, в ряде случаев, хотя авторы и были вынуждены констатировать некие идеологические постулаты, но далеко не всегда их выдерживали (например, в период так называемой «перестройки»). Как отметила Ю. Н. Розанова, в путеводителях обычно декларируется объективность и исчерпывающий характер преподносимой информации, но обращение к истории местности позволяет автору отбирать факты, компоновать их, конструировать маршрут движения так, чтобы обозначить свою позицию и одновременно ответить на ожидания читателя [11, с. 281].

Соответственно, на наш взгляд, вместо того, чтобы искать подобные декларации, следует идти иным путем, а именно выявлять «поворотные события истории», «выдающихся земляков» и смыслообразующие метафоры. В данном случае можем предложить свой вариант обработки биографической информации на страницах путеводителей по Харькову [9]. Методика исследования базируется на принципе контент-анализа: когда степень важности определенной сущности коррелирует с количеством ее упоминаний в дискурсе. В частности, имена, которые встречаются на страницах путеводителей, заносились в базу данных. Еще в начале исследования были определены принципы построения базы данных. Она содержит два поля – «лица» и «упоминания». В первом поле фиксировались имена, которые встречаются на страницах путеводителей, во втором –

оценки, которые сопровождают определенное имя. В поле, где фиксировалось имя, также отмечалась определенная социальная или профессиональная характеристика личности (ученый, военный, архитектор, государственный деятель и т. д.). В поле «упоминания», в зависимости от характера упоминания того или иного лица, отмечался определенный коэффициент: если имя упоминалось без оценок – это коэффициент 1 (1 балл), сочетание с такими эпитетами как «известный», «выдающийся» и подобные – коэффициент 2 (2 балла), более или менее подробная характеристика, прежде с точки зрения влияния на развитие города – коэффициент 3 (3 балла). В итоге это позволило создать определенную иерархическую систему имен и выделить «ТОП – группы» для различных исторических периодов, позволило увидеть указанную систему имен в динамике. Таким образом можно зафиксировать и сдвиги в плане увеличения или уменьшения внимания авторов путеводителей к определенной категории лиц (имеется в виду социальная и профессиональная характеристики). Нечто подобное можно осуществлять и с упомянутыми на страницах путеводителей событиями. Но еще большее значение имеют историографические метафоры. Такие метафоры, согласно Войцеху Вжосеку, являют собой языковые формы, содержащие в себе гипотезу или познавательную модель [1, с. 34]. В ходе «языковой игры», связанной с поиском ключевой метафоры, происходит не только формирование образов, но и придание смыслов тем или иным явлениям. В. Вжосек предлагает различать «живые» метафоры, способные являться основой коммуникации, и «мертвые» метафоры, которые, по его словам, являются «кладбищем смыслов». Изменчивость или устойчивость метафор могут свидетельствовать о господствующих настроениях, о стабильности восприятия прошлого, о новых ценностных ориентирах.

Таким образом, трактовка путеводителей как историографических источников позволяет акцентировать внимание их исследователей на поиск историографических стереотипов, которые могут стать реперными точками при характеристике коллективного исторического сознания определенной эпохи.

1. Вжосек, В. Культура и историческая истина / В. Вжосек ; пер. с польск. К. Ю. Ерусалимский. – М. : Круг, 2012. – 336 с.
2. Диса, К. Образ современного міста у путівниках по Києву межі XIX–XX ст. / К. Диса // Живучи в модерному місті: Київ кінця XIX – середини XX ст. – Київ : Дух і літера, 2016. – С. 82–96.
3. Калашников, М. В. Идеологема. Концепт? Понятие! (К вопросу о минимально значимой единице исследования в рамках историко-семантического анализа) / М. В. Калашников // «Стены и мосты» – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности : материалы Междунар. науч. конф., Москва, РГГУ, 25–26 апреля 2014 г. – М. : Академический проект ; Гаудеамус, 2015. – С. 124–133.
4. Киселева, Л. Некоторые итоги «Путеводительного проекта» / Л. Киселева, Л. Пильд, Т. Степанищева // Travel guide as a semiotic object. – Tartu : University Press, 2008. – С. 7–14.
5. Маловичко, С. И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева. – Орехово-Зуево : Изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.
6. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. – М. : Аквилон, 2014. – С. 203–204.
7. Мовна, М. Путівники Львова міжвоєнного періоду (1919 – 1939): сучасна історична візія / М. Мовна // Народознавчі зошити. – 2011. – № 1. – С. 155–167.
8. Мовна, М. Сучасні путівники Львовом: типологія і зміст / М. Мовна // Народознавчі зошити. – 2013. – № 1. – С. 132–141.
9. Посохов, С. І. ТОП-особи харківського локусу, або про роль імен у конструюванні образів міста / С. І. Посохов // Українська біографістика = Biographistica Ukrainica : зб. наук. пр. Ін-ту біогр. дослідж. – Київ, 2020. – Вип. 20. – С. 193–212.
10. Путеводитель по городу. История и современность : материалы науч. конф. – СПб., 2011;
11. Розанова, Ю. Н. Путеводитель как жанр туристического дискурса: диахронический аспект / Ю. Н. Розанова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 5 (27). – С. 281–285.
12. Руцинская, И. И. Путеводитель как инструмент конструирования региональных достопримечательностей (вторая половина XIX – начало XX в.) / И. И. Руцинская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 53–64.
13. Тарасенко, А. И. Источниковедческое изучение и классификация путеводителей / А. И. Тарасенко // Архівознавство, археографія, джерелознавство. – Київ, 2002. – Вип. 5. – С. 260–271.
14. Харьков: краткий путеводитель по столице Украины. – X., 1932. – 56 с.
15. Ziarkowski, D. Guidebooks in the context of development of knowledge about art in the Polish lands of the 19-th century / D. Ziarkowski // Tourism. – 2019. – № 29 /1. – P. 83–96.
16. Parsons, N. T. Worth the Detour. A History of the Guidebook / N. T. Parsons. – Thrupp : Sutton Publishing, 2007. – 378 p.